

Ф и л о с о ф и я

УДК 17.021/036

И.Ю. Куляскина, Е.Ю. Титлина

О СООТНОШЕНИИ СВОБОДЫ, МОРАЛИ И ПРАВСТВЕННОСТИ

Статья посвящена проблеме взаимообусловленности феноменов свободы, морали и нравственности. На основе уточнения соответствующих понятий авторы статьи приходят к выводу, что абсолютизация свободы, не ограниченной требованиями морали и нравственности, ведет к деструктивным последствиям. В свою очередь мораль, нравственность и право, как регулятивные механизмы, не только ограничивают свободу произвола и своеволия, но и защищают свободу личности от посягательств со стороны государства и других индивидов.

Ключевые слова: свобода, мораль, право, нравственность, гедонизм, эвдемонизм, гуманизм, социоцентризм, антропоцентризм, теоцентризм.

ABOUT CORRELATION OF FREEDOM, ETHICS AND MORALITY

The article is devoted to the problem of interconditionality of phenomena of freedom, ethics and morality. Elaborating appropriate concepts the authors of the article come to the conclusion that absolutization of freedom, not restricted by requirements of ethics and morality, leads to destructive consequences. Ethics, morality and law as controlling mechanisms not only restrict freedom of arbitrary rules and wilfulness, but protect individual freedom from encroachment of state and other individuals.

Key words: freedom, ethics, law, morality, hedonism, eudemonism, humanism, sociocentrism, anthropocentrism, theocentrism.

Понятия «свобода», «мораль» и «нравственность» глубоко укоренены в обыденном сознании, благодаря чему их многозначность была сведена к чисто житейским однозначным представлениям. Это привело к неадекватному пониманию жизненно важных ситуаций, с которыми сталкивается современный человек. Следствием этого явились многочисленные и многообразные проявления кризиса, переживаемого сегодня западным обществом. Представляется, что прежде чем переходить к поискам средств преодоления этого кризиса, необходимо, во-первых, уточнить, что стоит за этими понятиями, а во-вторых, выяснить, какова

взаимосвязь между соответствующими феноменами. Не претендуя на полноту решения названных задач, авторы статьи попытались очертить общие контуры проблемы.

Понятие «свобода» – наиболее многозначное. В рамках обыденного сознания под ним обыкновенно понимают и своеволие, возможность поступать в соответствии со своими желаниями. На философском уровне выделяют свободу как *способность* человека уходить от внешней детерминации, выбирать поступок в соответствии с собственными представлениями; эта способность, представляющая собой сущностную характеристику человека, получила название свободы воли. Одновременно понятие свободы может быть рассмотрено в социально-культурном контексте, и тогда оно означает *возможность* поступать по своему усмотрению.

В античности проблема свободы получила отражение в трагедии (например, царь Эдип). Человек пытается бороться с судьбой, роком и терпит поражение. Таким образом, признается **способность** человека к самоопределению, но оценивается она негативно: все попытки победить судьбу заканчиваются крахом.

Иначе ставится проблема свободы в христианстве: здесь свобода человека становится признаком его богоподобия. Ее происхождение сверхприродно, так как свобода в качестве способности самоопределения дана человеку Богом. Содержательно она означает способность выбора между добром и злом. Эта идея нашла свое отражение в мифах о сотворении и грехопадении человека. Бог создал человека по своему образу и подобию, наделив его свободой воли. Но злоупотребление свободой обернулось грехопадением. Христианское учение о благодати, которая не дается человеку без усилия с его стороны, так сказать, автоматически, дополняет учение о свободе воли.

Благодаря христианству в европейской культуре утвердилось представление о безусловной ценности свободы, но в существенно измененном виде. Если в христианстве ценность свободы личности была тесно связана с ее усилиями, направленными на «стяжание Духа Святого», т.е. имела религиозно-нравственное наполнение, то в ходе секуляризации свобода превратилась в формальный принцип, не имеющий определенного содержания, и на уровне обыденного сознания осуществление человеком своих желаний стало восприниматься как проявление его свободы.

Между тем З. Фрейд в своем учении о бессознательном начале в человеке показал, что «хочу» – это проявление активности «Оно», т.е. биологического начала. Для раскрытия механизма влияния бессознательного на поведение человека Фрейд вводит понятие «хитрость бессознательного»: человеку кажется, что это он сам желает, между тем его желания – это голос биологического инстинкта. Конечно, Фрейд неправоммерно абсолютизирует биологическое содержание бессознательного, которое у него оказалось редуцированным к чисто природному феномену (биологическим влечениям). Тем не менее он прав в том, что биологическое начало в человеке эгоистично, его проявления вовне тяготеют к аморализму и в силу этого возникает необходимость его коррекции.

Исторически эту функцию человечество реализовывало тремя способами: 1) силами государства, 2) посредством морали и 3) путем нравственного самоограничения.

Государство ограничивает своеволие человека, используя правовое и законодательное регулирование, основанное на легитимном принуждении. Но проблема заключается в том, что силами только *закона* обеспечить должное поведение человека невозможно. Любой закон можно обойти, нарушить, проигнорировать. Это происходит в том случае, если правовые нормы не принимаются нравственным сознанием человека. И тогда мы имеем дело с правовым нигилизмом

и девиантным поведением. К сожалению, никакой рост численности и финансирования правоохранительных органов не сможет обеспечить защиты от правонарушений и аморальных поступков. Усилия закона должны быть подкреплены действием морали и нравственности именно потому, что человек наделен свободой воли.

Мораль исторически возникла как механизм принуждения, ограничения своеволия индивида в интересах социума (здесь можно с Фрейдом согласиться). Она действительно ограничивает свободу. Вопрос: какую именно свободу она ограничивает?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо помнить, что мораль имеет культурное происхождение, а значит, ее содержание характеризуется исторически преходящим характером. Соответственно проблема соотношения ценности индивидуальной свободы и благополучия социума решалась по-разному на разных этапах культурно-исторического развития человечества. Так, например, мораль античной Греции была **социоцентричной**: критерием добра и зла выступал интерес социального целого, который был самоочевиден и не нуждался в обосновании. Достаточно вспомнить мифы об аргонавтах, заслуга которых состоит в том, что они добыли (а фактически – похитили) и доставили в родной город золотое руно. Подвиги Геракла также имеют значение благодеяний для соотечественников.

В отличие от социоцентричности древнегреческой морали христианская мораль **теоцентрична**. Это означает, что содержание моральных предписаний обосновывается ссылкой на волю Бога-Творца. Необходимость этой ссылки на безусловный авторитет детерминирована содержанием моральных требований христианства, которое, наряду с утверждением ценности любви и милосердия, выдвигает требования аскетизма, смирения, служения ближнему, отречения от богатства в пользу сирых и убогих, отказа от мести и от решения вопросов с помощью насилия, т.е. требует от человека самопринуждения, самоограничения и самодисциплины, подавления многих природных (естественных) желаний. Иными средствами заставить людей следовать этим поведенческим предписаниям в ту культурно-историческую эпоху было невозможно.

Секуляризация культуры, уходящая корнями в эпоху Возрождения, которая явилась «небывалой по мощи манифестацией свободного человеческого творчества» [1, с. 139], положила начало **антропоцентричной** морали. Эпоха Просвещения завершила процесс трансформации теоцентричной морали в антропоцентричную, что явилось одним из проявлений нового типа мировоззрения – гуманистического. Источником морали провозглашается человек, а высшим благом – благо самого человека, причем человека «земного», с его «посюсторонними» желаниями и устремлениями, что закономерно влечет за собой утверждение гедонизма и индивидуализма. В этом отношении показательна позиция Л. Валлы, одного из крупнейших представителей итальянского гуманизма XV в. Гедонистический характер провозглашаемой им моральной позиции находит отражение уже в самом названии его сочинения, посвященного смыслу и ценностям человеческого существования – «О наслаждении». Наслаждение, утверждает он, является главным законом человеческой жизни; именно в радости и удовольствии, а не в аскезе человек находит самого себя. Провозглашая наслаждение высшим смыслом человеческой жизни, Валла неизбежно приходит к индивидуалистической морали. Он утверждает неискоренимый эгоизм человеческой природы, заявляя, что собственная жизнь есть наивысшее благо, более предпочтительное, чем жизнь всех остальных людей, даже о родителях следует думать во вторую очередь, не говоря уже о родине.

В Новое время именно ценности гуманистической морали получили преобладающее развитие. Научно-техническая революция радикально расширила границы человеческих возможностей, свобода как *возможность* удовлетворять желания возросла многократно. Это обстоятельство в совокупности с установлением господства рыночных отношений обусловило доминирование гедонистически-эвдемонистической жизненной позиции. Дальнейшее развитие западной культуры привело только к усилению этой тенденции. Результатом стало не просто падение нравов, но и кризис западной культуры в целом. Об этом убедительно еще в начале XX в. писал немецкий философ О. Шпенглер в своей известной работе «Закат Европы», предрекая гибель западно-европейской культуры. С.Л. Франк, не разделяя этого пессимистического прогноза, считая, что это всего лишь временный кризис, связанный со злоупотреблением свободой и отходом от абсолютной трансцендентной ценности (Бога). Секуляризация культуры привела, по его мнению, к тому, что он образно обозначил словами: «Фауст продал свою душу дьяволу». «Жизнь расцветает пышным цветом, развивается свободная наука, овладевающая миром, свободная личность начинает перестраивать весь мир по-своему, – писал он, характеризуя развитие антропоцентричной европейской культуры, – но корни этого роскошного цветка засыхают и понемногу отмирают...» [2, с. 887]. Франк верит в возможность преодоления кризиса на путях возрождения духовности.

Однако духовный кризис, о котором писал Шпенглер, не был преодолен XX веком. Одним из наиболее ярких его проявлений стала моральная деградация западного общества, широкое распространение явлений имморализма, «толерантность» по отношению к таким асоциальным явлениям как педофилия (например, партия педофилов в Голландии), наркомания, пропаганда гомосексуализма и агрессивное поведение ЛГБ-сообществ.

Необходимо отметить, что этим проявлениям аморализма и имморализма противостоит значительная часть общества. Как правило, это люди, выступающие за сохранение традиционных ценностей. Их поведение служит доказательством, что существует еще один – действенный – механизм, регулирующий поведение человека. Это – **нравственность**.

В обыденном сознании нравственность часто отождествляется с моралью, однако в отличие от нее нравственность является характеристикой внутреннего мира человека. Психологической предпосылкой такого отождествления является то обстоятельство, что они в значительной мере совпадают как в содержательном, так и функциональном отношении.

Различие морали и нравственности состоит в том, что мораль характеризует общество, а нравственность – личность. Мораль существенно влияет на формирование индивидуальной нравственности, но не может определять ее содержание на сто процентов. Здесь мы имеем пример того, как в человеческой личности проявляется ее сущностная свобода. Иначе говоря, мораль предъявляет свои требования человеку извне, из общества, а нравственность – явление духовное. Моральный человек – это человек социализированный (что само по себе немаловажно), а человек нравственный – это человек духовный. Моральный человек неукоснительно выполняет требования общественной морали (или, по крайней мере, стремится к этому), а человек нравственный способен творчески подходить к решению этических коллизий в повседневной жизни и, подчиняясь собственным представлениям о должном, вступать в конфликт с существующей моралью. Подчиняясь требованиям собственного нравственного чувства, он будет вести себя ответственно и достойно.

Это различие между моралью и нравственностью предвосхитил еще Сократ в своем учении о даимоне. Даймон – внутренний голос, который дан человеку богами, чтобы отличить его от животных и сообщить смысл мирозданию.

Нравственность предполагает способность к самоопределению, разновидностью которого является самопринуждение. Животные в отличие от человека к этому не способны. Их поведение обусловлено инстинктами, биологическими потребностями, которые проявляются в форме естественных желаний. А человек благодаря нравственности способен сам обуздывать свои биологические устремления и инстинкты, включая инстинкт самосохранения.

Однако индивид с неразвитым сознанием свои эгоистические притязания может идентифицировать как проявления стремления к свободе. Именно мораль и нравственность призваны ограничивать такого рода проявления. В этом смысле мораль и нравственность противостоят свободе эгоистических устремлений.

Еще один аспект рассматриваемой проблемы – *способ* обоснования этических норм и ценностей. Конечно, люди не нуждаются в обосновании того, что доставляет им удовольствие или приносит пользу. Если же требования морали и нравственности выходят за рамки натуралистических требований и обретают духовный характер, то их обоснование становится настоящей необходимостью. Как говорил А. Шопенгауэр, «проповедовать мораль легко, обосновывать – трудно».

Античная мораль опиралась на представление о пользе, носила в значительной мере утилитарный характер (хотя польза социума понималась иначе, чем в индустриальную эпоху), поэтому в специальном обосновании не нуждалась, как не нуждалась в обосновании потребительская мораль буржуазного общества. Нуждается в обосновании мораль, которая предъявляет к человеку высокие требования, – такие как неукоснительное выполнение долга, готовность отвечать за свои поступки, служение отечеству, любовь к ближнему, милосердие и сострадание к слабым... Христианство нашло такое обоснование в высшем авторитете Бога, который дал людям моральный закон и следит за его исполнением. При этом он не только знает все поступки людей, но даже читает в их сердцах и знает их мысли. Это представление стало мировоззренческой предпосылкой возникновения совести как элемента нравственного сознания, выполняющего контрольно-императивную функцию.

В результате секуляризации культуры в сознании западного общества утвердился антропоцентризм. Система ценностей радикально меняется: на смену ценностям служения (Богу) приходит система потребительских ценностей, на смену аскетизму – эгоизм и гедонизм, губительные для общества и культуры.

Мораль воспринимается не как благодетельная сила, которая обеспечивает сосуществование людей в рамках социума, но как оковы, мешающие реализовать индивидуальную свободу. Гедонизм приводит к пресыщению, человек ищет все новых удовольствий, которые выходят даже за рамки естественных природных желаний. Об этом свидетельствует тот факт, что в странах западной культуры все большее распространение получают наркомания, гомосексуализм и педофилия. Под лозунгом свободы личности статус легитимных получают однополые браки. Из поведения человека вытесняются поступки, основанные на чувстве долга.

Рыночная экономика нуждается в расширении рынка, отсюда – пропаганда потребления. Культ потребления, формируемый посредством рекламы, деформирует систему ценностей. Стыд и долг уступают место ценности престижного потребления. Горький когда-то писал: «Человек выше

сытости!». Реклама, призывая к престижному потреблению, апеллирует к неоправданно завышенной самооценке: «Ты этого достоин!».

Сегодня в западной культуре свобода провозглашается высшей ценностью. Но при этом сложное многозначное понятие редуцируется к возможности поступать по своему усмотрению. В условиях массовой культуры, которая ориентирует человека на гедонистические ценности, свобода понимается как возможность удовлетворять свои желания самого примитивного толка по принципу: «Имидж – ничто, жажда – все. Не дай себе засохнуть!».

Совокупный результат антропоцентризма, рыночной экономики и редукции понимания свободы в качестве *способности* выбора поступка к свободе в качестве *возможности* поступать по своему желанию – изменение как личного, так и социального поведения человека. Конечно, речь не идет об изменении поведения всех людей. Мы говорим о характеристиках *массового поведения*. Все больше распространяются такие явления как «рабство у инстинктов», распушенность, необязательность, безответственность, в том числе по отношению к себе (своему будущему, своему здоровью).

Изменения в морали и нравственности проявляются и в функционировании социальных институтов, – например, института семьи и брака. Однополые браки, прежде чем получить правовую санкцию, должны были получить санкцию со стороны общественной морали. Здесь мы наглядно можем проследить связь между свободой, моралью и нравственностью: нравственность формируется как проявление, с одной стороны, культуры, а с другой, – человеческой свободы.

Мораль формируется в значительной степени спонтанно, нравственность – сфера свободы, так как процесс формирования содержания нравственного сознания не подлежит каузальной детерминации. А это означает, что общество не может формировать нравственность в соответствии со своими потребностями напрямую, так как нет причинно-следственной связи между педагогическим воздействием и содержанием нравственного сознания. Тем не менее можно (и должно) обеспечивать благоприятные условия для формирования нравственности, так как существует функциональная детерминация. При отсутствии этих стимулирующих воздействий у личности может сформироваться (и формируется!) неадекватное представление о добре и зле, должном и недолжном как в отношении общества и других людей, так и в отношении самого себя.

Исторический опыт свидетельствует, что мощным средством формирования морали и нравственности всегда была религия. Еще одно средство – искусство и литература. В частности, сказки. Через сказки у маленького человека впервые формируется представление о том, что такое хорошо и что такое плохо. И остается на всю жизнь. Народные сказки формируют представление о ценности дружбы, отзывчивости, помощи слабым, сострадания, любви... А сегодня многие компьютерные игры (например, «стрелялки») культивируют жестокость, насилие, торжество сильного. И чему удивляться, если дети вырастают не такими, какими мы хотели бы их видеть.

«Свобода-способность» – онтологическая (объективная) реальность. Она есть, она неуничтожима и в этом смысле является безусловной (но не абсолютной) ценностью. «Свобода-возможность» – это социально-культурная (объективированная) реальность. Ее содержание исторически изменчиво. Она является благом в том случае, если у человека уже сформирована нравственность, если нет, – то она превращается в произвол, своеволие. В этом случае необходимо ее ограничивать.

Свобода как понятие ничего не говорит о содержании, но только о состоянии субъекта. Свобода – это еще и свобода выбора между добром и злом. Сами понятия добра и зла в свою

очередь обусловлены наличием онтологической свободы. Это означает, что человек способен выбрать как добро, так и зло. Выбор зла (разрушительную свободу) призваны ограничивать право, мораль и нравственность (культурная реальность). Это значит, что два вида культурной реальности – регулятивные механизмы (право, мораль, нравственность) и свобода как возможность – должны быть сбалансированы.

Таким образом, абсолютизация свободы, не ограниченной требованиями морали и нравственности, ведет к деструктивным последствиям. В свою очередь мораль, нравственность и право, как регулятивные механизмы, не только ограничивают свободу произвола и своеволия, но и защищают свободу личности от посягательств со стороны государства и других индивидов.

1. Бердяев, Н.А. Смысл истории // Бердяев, Н.А. Смысл истории. Новое средневековье / сост., коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 2002.

2. Франк, С.Л. Кризис западной культуры // Бердяев, Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / вступит. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2007.